

DOI: 10.31857/S013038640018559-2

© 2022 г. Н.М. НАРЫКОВА

РОССИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РИМЕ: ДИПЛОМАТИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ПРАГМАТИЗМ (1905–1945 годы)

Нарыкова Нина Михайловна – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: narykova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57220810414; Researcher ID: AAW-1205-2021; ORCID: 0000-0003-1839-5285

Аннотация. В первой половине XX в. получили развитие первые специализированные международные аграрные организации. Статья дополняет малоизвестную в историографии историческую картину опыта международного взаимодействия в рамках этих структур, ибо в 1905 г. Россия была одним из учредителей первой международной межправительственной аграрной организации – Международного института сельского хозяйства (International Institute of Agriculture, ПА). На основании официальных документов ПА и Российской империи, а также архивных материалов советского периода автор статьи выделяет два периода в истории сотрудничества России и ПА: 1905–1917 гг. и 1931–1936/37 гг. Российская империя вносила большие суммы в бюджет ПА. С ПА взаимодействовали государственные органы и сотрудничали выдающиеся ученые империи. Частичное восстановление отношений СССР и ПА в 1930-е годы соответствовало внешнеэкономическим интересам советской власти в условиях выполнения планов первых пятилеток и реализации общего политического курса на сотрудничество с зарубежными научно-техническими и коммерческими кругами. Начало сближения СССР и ПА произошло на международной зерновой конференции в Риме весной 1931 г. Участие России в деятельности ПА показывает прагматические аспекты ее внешней политики, а также политические и дипломатические возможности международного общения в рамках международной специализированной организации.

Ключевые слова: Международный институт сельского хозяйства (International Institute of Agriculture, ПА), Российская империя, СССР, внешняя политика, Международный аграрный институт (МАИ, The International Agrarian Institute, IAI), ФАО ООН, международные организации, аграрные отношения.

N.M. Narykova

Russia and the International Institute of Agriculture in Rome: Diplomacy, Ideology, Pragmatics (1905–1945)

Nina Narykova, Saint-Petersburg State Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: narykova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57220810414; Researcher ID: AAW-1205-2021; ORCID: 0000-0003-1839-5285

Abstract. The first specialised international agricultural organisations emerged in the first half of the twentieth century. The article complements the poorly studied history of the experience of international co-operation within these structures, given that in 1905 Russia was one of the founders of the first international intergovernmental agrarian organisation – the International Institute of Agriculture (IIA). Drawing on official documents from the IIA and the Russian Empire, as well as archival materials from the Soviet period, the author identifies two periods in the history of cooperation between Russia and the IIA: 1905–1917 and 1931–1936/37. The Russian Empire contributed large sums to the IIA budget. The IIA was in contact with Russian imperial authorities and collaborated with the Empire's eminent scientists. The partial restoration of relations between the USSR and IIA in the 1930s was in keeping with the foreign economic interests of the Soviet authorities in the context of the first five-year plans and the implementation of the general political course towards cooperation with foreign scientific, technical, and commercial establishments. The rapprochement between the USSR and IIA began at the International Wheat Conference in Rome in the spring of 1931. The participation of Russia in IIA shows the pragmatic aspects of its foreign policy, as well as the political and diplomatic potential for international communication within the framework of an international specialised organisation.

Keywords: International Institute of Agriculture, Russian Empire, USSR, UN FAO, foreign policy, USSR, International Agrarian Institute, international organisations, agricultural relations.

Общественные настроения и глобальные тренды мирового развития выдвинули продовольственные проблемы на повестку важнейших вопросов мировой гуманитарной безопасности, борьбы с голodom и бедностью, тем самым актуализировав исследовательский интерес к изучению исторического опыта первых международных форм сотрудничества в интересах сельского хозяйства. В современной зарубежной историографии вновь проявился интерес к деятельности различных международных аграрных организаций первой половины XX в. Подтверждение этому можно увидеть в недавней публикации Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО ООН) к юбилею ее мемориальной библиотеки имени Д. Лубина, где авторы описывают историю и современное состояние этого глобального информационного центра, создание которого исторически связано с деятельностью первой международной межправительственной аграрной организации – Международного института сельского хозяйства (The International Institute of Agriculture, IIA, 1905–1945 гг.). В разделах, написанных Н. Миньеми, представлены краткая история IIA, его структура, место и роль делегатов стран и международных сотрудников в деятельности органов и служб. Конечно, отмечена личность калифорнийского фермера Д. Лубина – автора идеи создания IIA и первого представителя США в IIA. В других главах издания изложены основные факты развития библиотеки: от первых фондов в годы IIA до современного электронного центра научной информации ФАО ООН по отраслям сельскохозяйственных наук, вопросам состояния мирового сельскохозяйственного производства и продовольственной обеспеченности¹. Интересна и другая статья Н. Миньеми о развитии библиотеки IIA в 1920–1930-е годы как «привилегированного информационного центра для отслеживания и транснационального распространения специализированных знаний на службе модернизации сельской местности». В ней прослежена динамика интернационализации методов работы и профессионализации персонала. Раскрыта роль фонда Рокфеллера в подготовке кадров и каталогизации фондов².

В целом современные публикации о IIA, опирающиеся на различные источники (в том числе архивы ФАО ООН), выполнены в ключе современного взгляда на международное сотрудничество не только в период между двумя мировыми войнами, но и на его

¹The story of The FAO Library 65th Anniversary 1952–2017. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2017.

² Mignemi N. Rome, capitale mondiale de la documentation agricole: de la bibliothèque de l'Institut international d'Agriculture à la David Lubin Memorial Library de la FAO // Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines. 2020. 132/1. P. 215–235. URL: <http://journals.openedition.org/mefrim/7233> (дата обращения: 20.07.2021).

истоки в начале XX в. Авторы особо подчеркивают международную роль экспертной деятельности представителей различных национальных экономических школ³ и усилие международных благотворительных (общественных) организаций. Они описывают историю формирования сельскохозяйственной статистики и проведения под эгидой ПА первой международной сельскохозяйственной переписи 1930 г., столь важной тогда для понимания процессов развития сельского хозяйства различных географических регионов и отдельных государств⁴. Однако даже в обширной специальной (в большей мере историографической) публикации Н. Миньеми и Х. Пан Монтохо отсутствует информация об участии России в создании этих первых форм многостороннего сотрудничества в сфере сельскохозяйственного производства и торговли⁵. На наш взгляд, этот пробел принципиально важно восполнить, что и предпринято в настоящей статье. Тем более что современная ФАО ООН, в известном смысле – наследник ПА, активно сотрудничает с РФ. Для российской историографии вопросы опыта сотрудничества акторов международных отношений – существенный аспект ее национальной истории.

Как показывают официальные документы ПА и Российской империи, а также малоизвестные архивные документы советского периода, в истории взаимодействия России и ПА можно выделить два периода: 1905–1917 гг. и 1931–1936/37 гг. Российская империя вместе с другими великими державами была в 1905 г. соучредителем ПА. Хотя идея первой международной организации межправительственного уровня для нужд сельского хозяйства пришла из США и была воплощена в Риме, ее поддержка со стороны России как крупнейшего аграрного производителя и зернового игрока на европейском рынке во многом создала предпосылки организационного успеха в оформлении этой международной структуры. Более того, подписав Конвенцию 1905 г. об учреждении Института⁶, Россия стала вносить самые крупные (по критериям учредительного документа) взносы в бюджет организации, так 19 августа 1915 г. был сделан максимальный взнос в размере 15 тыс. руб. (40 тыс. фр.)⁷. Николай II, следуя имперским традициям и личной дружбе монархов, благосклонно встретил предложение короля Виктора Эммануила III об учреждении ПА, и российское правительство обеспечило представительство в ПА.

Понимая значение участия России, автор первоначального проекта Д. Лубин в феврале 1905 г. посетил российского поверенного в Риме и изложил ему цели нового международного института как «учреждения международного земледельческого представительства» с функциями «сельскохозяйственной и рабочей биржи» (в том числе и для регулирования постоянной и временной миграции) и справочного бюро «статистических, торговых и ученочно-технических сведений»⁸.

Весной 1905 г. министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов доложил императору об «итальянском проекте», и 11 апреля 1905 г. Николай II санкционировал командировку на его учредительную конференцию официальных представителей⁹. Ими стали чиновники министерства земледелия: А.Д. Поленов и А.Н. Крупенский¹⁰. На самой конференции российская делегация поддержала итальянскую версию института как межправительственной структуры, не имеющей прав нарушать суверенитет государств-членов, и подписала текст выработанной конвенции, как и другие делегаты, «ne varietur». Главное впечатление

³ D'Onofrio F. Agricultural figures: the politics of numbers at the International Institute of Agriculture // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part II. P. 227–296.

⁴ D'Onofrio F. The microfoundations of Italian agrarianism: Italian agricultural economists and Fascism// Agricultural History. 2017. Vol. 91. № 3. P. 369–396.

⁵ Pan-Montojo J., Mignemi N. International organizations and agriculture, 1905 to 1945: Introduction // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part II. P. 237–254.

⁶ Acte final de la Conférence internationale pour l'Institut international d'agriculture. Rome, 1905.

⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 395. Оп. 1. Д. 2002. Л. 325.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 190. Оп. 525. Д. 2170. Л. 21–23.

⁹ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 23.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2170. Л. 75–76.

о конференции сформулировал в заключение своего отчета Поленов. Он полагал, что, поскольку создаваемая организация будет заниматься сбором и обработкой данных, имеющих весьма важное значение для сельскохозяйственных интересов всех стран, а также согласованием и объединением этих интересов в области международных отношений, иметь российское представительство в ней «весьма существенно»¹¹. Крупенский в донесении министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу писал: «Созданный конференцией институт является как бы статистическим, всемирным, международным бюро; но это не будет статистика мертвая, но статистика, проникнутая жизнью, сельскохозяйственными нуждами и распространяющая вокруг себя результаты централизованных в одном учреждении работ, опытов, сведений. Международный агрономический институт может таким образом принести немалую пользу земледелию вообще и сельским хозяевам всех стран в особенности. С этой точки зрения Россия, в которой земледелие и все отрасли сельского хозяйства нуждаются в покровительстве, в реформах и в применении более рациональных способов культуры, не может, как кажется, не приветствовать учреждение международного института»¹².

Значительную роль в развитии сотрудничества империи и ПА сыграли российские министры сельского хозяйства, дипломаты, чиновники статистических служб, ученые. Идея создания Института получила поддержку министра земледелия (1894–1905 гг.) и члена Государственного совета (1905–1917 гг.), автора крупных исследований о рациональном ведении сельского хозяйства в России, одного из организаторов российской аграрной статистики А.С. Ермолова (1847–1917). В европейских кругах аграриев Ермолов был известной фигурой: министр-ученый представлял Россию на международных аграрных конгрессах Международной комиссии по сельскому хозяйству (*La Commission Internationale d'Agriculture*), участвовал в работе всемирных выставок.

Решение о российском участии в ПА принималось без консультаций с сельскохозяйственными обществами страны, ибо внешнеэкономическая целесообразность членства в организации не вызывала сомнений в Совете министров. Высказывались надежды, что Россия будет получать не только мировые сведения об урожаях и движении цен, но сможет через него добиваться более справедливого отношения на европейском рынке к своим сельскохозяйственным товарам (хлеб, сливочное масло)¹³. Вместе с тем общая внутриполитическая атмосфера в России на тот момент не предполагала большой заинтересованности российских правительственные кругов в идеи новой международной организации. Проект ПА не представлялся России достаточно масштабным, особенно на фоне не затухающей борьбы внутри властных кругов и в обществе по вопросам перспектив экономического развития самой империи. В среде российской министерской бюрократии были и те, кто вообще имел слабое представление о мировых экономических процессах и новых формах взаимодействия государств¹⁴.

6 мая 1908 г. Николай II подписал учредительную конвенцию. А.С. Ермолов был назначен официальным представителем России в ПА. На открытии ПА Россию представлял ее посол в Италии князь Н.В. Муравьев, а в дальнейших заседаниях участвовал советник посольства барон М.Н. Корф¹⁵. К сентябрю 1908 г. окончательно определилось российское представительство в органах ПА: А.С. Ермолов – на генеральных ассамблеях (ГА) и Г.П. Забелло – член Постоянного комитета (ПК) Института и консул России в Риме. До назначения в ПА консул имел многолетний опыт работы в редакциях официальных

¹¹ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 59–59 об.

¹² АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2170. Л. 82.

¹³ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 265–268.

¹⁴ Нарыкова Н.М. Участие России в международных аграрных организациях: стереотипы политической культуры и новые исторические «вызовы» (XIX – нач. XX в.) // Политическая культура XIX века: Россия и Европа. М., 2005. С. 143–151.

¹⁵ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 298, 308 об.

изданий министерства финансов России, был знаком с экономической статистикой, международным товарообменом и условиями реализации урожаев России на мировом рынке. В работе ПА он активно занимался вопросами финансов ПА, последовательно отстаивал русские экономические и политические интересы, заботился об эффективных связях российских ведомств и ПА. Его систематические отчеты в Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗЗ) показывают полную осведомленность и активность российского представителя. Г. Забелло, совмещая две должности, вполне эффективно использовал официальную информацию ПА для русско-итальянских торговых связей, деятельности русско-итальянской торговой палаты.

Российские представители не входили в высшее руководство Института, не считая избрания А.С. Ермолова на одной из генеральных ассамблей вице-президентом. Из сохранившихся документов ведомств следует, что таких задач и не ставилось. Вместе с тем Россия как великая держава стремилась влиять через своего представителя на общую политику президента ПА. Это проявилось, в частности в 1910 г., когда президентский пост занял представитель Италии маркиз Каппелли, тяготевший к делегатам стран Тройственного союза, группировавшимся вокруг немецкого делегата Т. Миллера. Группа из представителей Германии, Австро-Венгрии и сам Каппелли тогда агитировали за проект изменения ряда положений учредительной Конвенции и регламента ПА, которые позволяли бы ПА вступать в непосредственные отношения с национальными сельскохозяйственными обществами и союзами. Г. Забелло выступил против, полагая, что это предложение отвечает прежде всего немецким интересам. Проект натолкнулся на сопротивление других членов ПК – представителей 12 стран, в том числе Франции и ее колоний. Французский делегат в борьбе против германского проекта был готов прибегнуть к крайнему средству – угрозе, заявив, что его страна перейдет в последнюю категорию государств-членов с годовым взносом в 1,5 тыс. фр., отзовет своего делегата и прекратит представлять в ПА какую-либо информацию¹⁶. В конечном итоге проект отклонили.

В текущей деятельности ПА Россия достаточно активно реагировала на просьбы и инициативы Института, если не считать бюрократических проволочек. Для обсуждения получаемых от ПА запросов и выработки рекомендаций по их реализации в России в феврале 1910 г. был создан специальный комитет по сношениям русских правительственный учреждений с ПА под председательством А.С. Ермолова. Переписку вел отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики ГУЗЗ. К 1914 г. сложилась практика направления в ПА различной сельскохозяйственной информации через «опросные листы» для его бюллетеней.

Постепенно складывалось сотрудничество ученых России и ПА. В 1911 г. в работе ГА, где обсуждали проект развития международной агрометеорологической службы, принял участие П.И. Броунов – один из основоположников российской сельскохозяйственной метеорологии и климатологии. Его опыт деятельности в России представил и высоко оценил в основном докладе французский делегат и зам. директора ПА Л. Доп. Броунов передал в ПА для публикации свои ценные чертежи и графики наблюдений. В ноябре 1912 г. по просьбе ПА о привлечении русских ученых в число его сотрудников-корреспондентов Ученый комитет ГУЗЗ назвал большую группу специалистов, выдающихся представителей российской сельскохозяйственной науки. По отделу растениеводства были рекомендованы Н.К. Недокучаев, профессора Д.Н. Прянишников, Л.Ф. Альтгаузен, К.К. Гедройц, А.И. Стебут, С.Ф. Франкфурт, Н.М. Турайков. По отделу животноводства – профессора Н.П. Чирвинский, Е.А. Богданов, А.А. Тихомиров, Г.А. Кожевников, Е.Ф. Лискунов. По отделу прикладной ботаники – Р.Э. Регель, П.И. Мищенко, Д.Л. Рудзинский, Э.В. Костецкий. По отделу энтомологии – И.В. Васильев. По отделу микологии и фитопатологии – Г.И. Дорогин, А.С. Бондарцев, проф. Ф.В. Бухгольц, В.Г. Траншель, проф. С.И. Ростовцев, А.А. Потебнь. По отделу метеорологии – профессора П.И. Броунов,

¹⁶ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2002. Л. 226.

А.Н. Войков, А.В. Клоссовский, В.А. Михельсон, Б.И. Срезневский, В.К. Гауэр, Э.Г. Лоске. По отделу сельскохозяйственного образования — проф. А.Ф. Фортунатова, С.Н. Ленина, И.И. Мещерский¹⁷. Однако, как показывает письмо Г. Забелло министру А.С. Кривошеину от 14 июня 1914 г., Россия и ПА так и не наладили систематическое реферирование многочисленной русской сельскохозяйственной литературы для бюллетеней Института. Вопрос упирался в отсутствие финансирования со стороны Рима и в проблемы подбора и оплаты работы российских специалистов для переводов с русского на рабочие языки ПА¹⁸.

Крупнейшим мероприятием, отразившим плодотворность сотрудничества ПА и России, стало начало реорганизации российской аграрной статистики по рекомендациям Института¹⁹. Кроме того, в рамках разработанной в ПА программы изучения американскими представителями европейского кооперативного опыта, в 1913 г. был организован их приезд в Россию для ознакомления с деятельностью Московского народного банка²⁰. Одним из последних перед Первой мировой мероприятий ПА стало проведение в феврале–марте 1914 г. в Риме представительной международной конференции по фитопатологии. Конференция выработала проект конвенции, которая учитывала опыт борьбы с распространением сельскохозяйственных заболеваний в растениеводстве и садоводстве, накопленный в международном сотрудничестве после подписания антифиллоксерного соглашения 1881 г. Россия на конференции активно участвовала в разработке условий нового соглашения. Профессор А.А. Ячевский возглавлял важнейшую техническую комиссию, где шли ключевые дискуссии по проекту конвенции. Отчет Г. Забелло показывает, что профессор как делегат России, опираясь на отечественный опыт борьбы с заболеваниями растений, настаивал, чтобы основными методами борьбы за фитобезопасность в международном торговом обмене были не запретительные таможенные формальности, а свидетельства о «здравии» живых растений и тщательный фитопатологический надзор самих культур²¹.

В 1910–1915 гг. ПА выдвинул инициативы, не получившие поддержки в ведомствах России. Российская сторона не посчитала отвечающим своим экономическим интересам расширять информацию, посыпанную в ПА, о прогнозах на урожай, что было в русле общей сдержанной позиции других государств в вопросе распространения своей коммерческой информации. Было отвергнуто предложение ПА о необходимости изучения Институтом условий международного фрахтового рынка, которое особо лоббировалось Д. Лубином. Ради поддержки своего проекта еще до официального решения Постоянного комитета ПА о фрахтах Д. Лубин обратился 14 февраля 1913 г. с личным письмом к председателю Совета министров В.Н. Коковцову²². Комитет А.С. Ермолова и министерство торговли и промышленности сочли необходимым отклонить идею Лубина: ввиду того, что на фрахтовые цены влияют разнообразные и сложные факторы, их выявление — «практически почти невыполнимая задача»²³.

Военно-революционные потрясения в России — две революции 1917 г. и разрушительная гражданская война — и установление власти, построенной на советской идеологии, предопределили отношение СССР к ПА. Членство России было прервано. Создание

¹⁷ РГИА. Ф. 382. Оп. 6. Д. 5124. Л. 12–12 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 395. Оп. 2. Д. 3087. Л. 229–237.

¹⁹ См. подробно: Нарыкова Н.М. Аграрии и прогресс (Международные аграрные организации: от основания до мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.) Ставрополь, 2001. С. 124–129.

²⁰ Costanzo G. The Organization of agricultural credit in the United States // International Review of Agriculture. 1942. № 2. Р. 37–40.

²¹ Нарыкова Н.М. Ученые-аграрники и международное сотрудничество в начале XX века: к 110-летию Санкт-Петербургского государственного аграрного университета // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2016. С. 210.

²² РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 459. Л. 226.

²³ Там же. Л. 239–240 об.

Коминтерна и стремление СССР консолидировать зарубежные партии в рамках леворадикальной линии борьбы за мировую революцию сопровождались и вполне определенной практикой революционирования крестьянских движений в зарубежных странах. Поддержку бедных слоев деревни и политический союз с рабочими провозгласил целью своей деятельности Крестьянский интернационал (Крестинтерн; The Peasant International), созданный в 1923 г. при Коминтерне. В 1926 г. при Крестьянском интернационале (читай: при Коминтерне) в Москве был создан Международный аграрный институт (МАИ, The International Agrarian Institute, IAI) – идеологический антипод ПА. Его задумывали как международную общественную структуру для «изучения аграрного вопроса и крестьянского движения в разных странах», способную осуществлять «популяризацию теоретических и практических знаний», «устраивать доклады, диспуты, собеседования», «научные экспедиции и обследования» и т.п.²⁴ При открытии Института заместитель его директора, советский экономист С. Дубровский подчеркнул принципиальное различие между ПА и МАИ. Критика ПА с позиций классовой борьбы сводилась к тому, что тот не учитывает социальные запросы бедных слоев деревни, игнорирует крестьянское движение на Востоке и в колониях²⁵. Публичные отчеты о работе, многочисленные авторские публикации и рецензии трудов иностранных коллег показывают стремление МАИ на основе использования информационно-аналитических методов опыта деятельности ПА решать политическую задачу – формировать пропагандистскую основу советского пути развития сельского хозяйства. В структуре Института были созданы региональные отделы (по группам стран) и научные кабинеты по направлениям (сельскохозяйственной экономики, крестьянского движения, аграрного законодательства и аграрной политики, сельскохозяйственных рабочих, сельского хозяйства и крестьянства СССР). Дирекция МАИ вела переписку с маститыми экономистами Европы (М. Зеринг, Э. Лаур, К. Риттер, Ф. Аэрбоэ)²⁶, международными организациями, в том числе Международной организацией труда (МОТ) и Федерацией сельскохозяйственных рабочих, национальными сельскохозяйственными и кооперативными организациями, министерствами некоторых стран, научными обществами и конъюнктурными институтами (особенно Германии); принимала иностранные делегации, для которых был привлекателен социально-политический опыт СССР²⁷. Опираясь на подготовленные им «опросники», МАИ выборочно обследовал крестьянские хозяйства Восточной Европы, Китая и Турции, коммуны во Франции. В начале работы МАИ его членами-корреспондентами были выдающиеся экономисты-аграрники: А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, позже – Е.С. Варга. С МАИ сотрудничали профессиональные революционеры, эмигрировавшие в СССР, лидеры компартий и сторонники «крестьянского коммунизма»²⁸, функционеры аграрных партий Восточной и Юго-Восточной Европы, немецкие, французские, чешские, польские экономисты, симпатизировавшие коммунистическим идеям. В руководство входили известные функционеры Коминтерна: Т. Домбровский и В. Коларов. МАИ, используя средства и каналы Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, сформировал значительные информационные фонды, закупая многочисленные иностранные издания о сельском хозяйстве, экономике и законодательстве и т.д., в том числе издания ПА.

Как показывают публикации в теоретическом органе МАИ, журнале «Аграрные проблемы», а также реферативные материалы: «Информационные бюллетени МАИ»,

²⁴ Устав Международного аграрного института // Крестьянский интернационал. 1925. № 10. С. 95–96.

²⁵ Аграрные проблемы. М., 1927. Кн. I. С. 174–177.

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 536. Оп. 1. Д. 68. Л. 3, 133.

²⁷ В Международном аграрном институте // Аграрные проблемы. М., 1928. Кн. 1. С. 203–208.

²⁸ Vigreux J. La fauille après le marteau. Le communisme aux champs dans l'entre-deux-guerres. Besançon, 2012.

«Сводки и материалы об аграрном движении и борьбе за крестьян» (для Исполнительного комитета Коммунистического интернационала – ИККИ), «Краткие сводки по аграрному вопросу и крестьянскому движению» (на нескольких языках), собственная экспертная продукция МАИ (открытая и закрытая) была различного качества. Публикации и рекомендации нередко содержали идеологические штампы и надуманные выводы. Работая на запросы Коминтерна, верно замечая многие новые социально-экономические явления, МАИ не смог выработать целостного взгляда на развитие современных ему процессов в аграрном секторе зарубежных стран. Вплоть до закрытия в 1940 г. его аграрные исследования укладывались в модель «углубления общего кризиса капитализма». Вместе с тем именно в 1920-е годы аграрная эволюция в Западной Европе рельефно выявила возможности государственного влияния на механизмы рыночных отношений в целях «рационализации в сельском хозяйстве» и поддержании рентабельности хозяйств путем земельных и финансово-налоговых реформ, создания нового трудового законодательства. Наиболее развитые государства нарастили вложения в социальную сферу деревни, поддерживая бизнес и стимулируя общественные силы. Великая депрессия 1929–1933 гг. привела к эффективному опыту поддержки фермеров в США. При этом на протяжении 20–30-х годов на международном экспертом уровне не стихали дискуссии о причинах кризисов в аграрной сфере, что показали, например, четыре конференции международной ассоциации экономистов-аграрников (1929–1936 гг.). Созданная в 1929 г. по инициативе британцев и объединившая ведущих экономистов Великобритании, США, Канады и Германии (М. Зеринг, Г.Ф. Варрен, Р.Р. Энфилд, Л.К. Элмхирст, Е.Г. Ноуре; в их числе А.В. Мак-Кей – руководитель Федерального фермерского управления США) ассоциация, к которой позже присоединились и экономисты из СССР, на конференции в 1930 г. выявила широкий круг мнений о путях выхода аграрной экономики из сохраняющегося «доиндустриального положения». Крупный американский монетарист Варрен (один из руководителей ассоциации) тогда отметил, что основная причина аграрного кризиса – не в экономических циклах, перепроизводстве, урожаях и т.д., а в глубокой потребности капиталовложений²⁹.

МАИ, функционируя за счет Советского государства и имея в штате большинство советских работников, пережил существенные идеологические дискуссии. Столкновение научных и политических мнений имело трагические последствия. В 1929 г. МАИ постигла кадровая чистка, а в 1931 г. – реорганизация «под Коминтерн». Работу МАИ подорвали репрессии против его сотрудников, обвиненных в уклонении от марксистской теории классовой борьбы и сомневавшихся в правильности социалистической практики, проявивших «правый уклон» и оппортунизм. Однако, как констатировал поляк Т. Домбаль, «правооппортунистический прорыв в МАИ не состоялся», хотя редакторы «Аграрных проблем» и заняли явно примиренческую позицию в ситуации борьбы с правой опасностью в ВКП(б) и «охотно преподносили массам аграрную программу европейской социал-демократии»³⁰. В 1930-е годы изменились состав и руководство МАИ. В это же время, несмотря на усилия Коминтерна, в Европе крестьянское движение под влиянием коммунистов не получило развития. В январе 1931 г. по решению Коминтерна был ликвидирован Крестинтерн, как не решивший своих политических задач, в том числе по организации в 1930 г. комитетского (крестьянского) движения в Западной Европе, программу которого разработал «крестьянский» Совет³¹. В более широком контексте событий на судьбу МАИ (1926–1940 гг.) повлияла смена стратегии Коминтерна, взявшего

²⁹ Die Zweite Internationale Agrarkonferenz in Cornell University, Ithaca, N.Y. // Weltwirtschaftliches Archiv. 1931. Bd. XXXIII. Н. I. S. 306–310.

³⁰ Правооппортунистический прорыв в Международном аграрном институте // Большевик. 1931. № 15. С. 89.

³¹ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 191. Л. 123–124; Там же. Оп. 1. Д. 221. Л. 63–64.

курс на единство коммунистических рядов в борьбе против фашизма и войны и отход от критики реформизма европейской социал-демократии.

Со своей стороны, ПА после разрыва официальных связей с Россией продолжал собирать информативные материалы о многих аспектах сельского хозяйства, политике и торговле СССР, публикуя некоторые данные в своих изданиях или предоставляемые их Лиге Наций, с которой периодически боролся за международные полномочия. ПА практиковал эпизодические контакты с известными в Европе учеными из СССР, приглашая их на свои мероприятия. В 1927 г. профессор Н. Вавилов в рамках большой заграничной командировки посетил и Италию, где выступил в ПА на заседании Международного научного сельскохозяйственного совета (CISA) с докладом об изучении в СССР проблем изменчивости растений³².

В 1920–1940-е годы выходцы из России продолжали работать в международном штате ПА, внося свой вклад в деятельность организации. В этом смысле выделяется экспертная работа Г. Павловского (1887–1961), руководителя важнейшего бюро экономических и социальных исследований ПА, который до работы в Риме сделал на родине карьеру чиновника по особым поручениям при Центральном Переселенческом управлении империи. Следует отметить аналитические публикации экономиста в основном периодическом издании ПА – журнале «International Review of Agriculture»³³. В начале 30-х годов Павловский в качестве эксперта входил в делегации ПА на важнейших международных экономических конференциях.

Выход СССР на мировой агропромышленный рынок в начале 1920-х годов и наращивание его зернового экспорта (в том числе временный, но резкий скачок в результате губительной практики сплошной коллективизации и хлебозаготовок) создали объективные предпосылки для сближения Советского государства и ПА. В это время Институт неуклонно расширял число своих членов, и в начале 1930-х годов его иногда называли «Сельскохозяйственной Лигой Наций»³⁴. Членами организации были более 70 государств (с учетом метрополий, колоний, доминионов, мандатных территорий), что, по информации ПА, охватывало 79,9% общей территории и 92% населения мира. С Институтом сотрудничали около 80 национальных сельскохозяйственных ассоциаций 25 стран³⁵. В ПА за счет современных средств связи оперативно приходила официальная информация об аграрном производстве государств-членов и международной торговле сельскохозяйственной продукцией. Статистику обрабатывали с применением счетных машин сотрудники Института (штат более 100 человек) и публиковали в ежемесячных бюллетенях и ежегодниках³⁶.

Во главе ПА стоял опытный итальянский дипломат Д. де Микелис. С 1928 г. в руководстве ПА укрепилось итальянское представительство, а США (до 1932 г.) приостановили свое членство. Таким способом они выразили свое отношение к избранию на должность генерального секретаря не американца Хобсона, а итальянца А. Бризи (экс-директора департамента сельского хозяйства министерства экономики). Б. Муссолини субсидировал отдельные инициативы Института, и в 1930 г., отмечая большие перспективы

³² Aus dem Internationalen Landwirtschafts-Institut in Rom // Berichte über Landwirtschaft. 1928. Bd. VII. H. 3. S. 320–321.

³³ См. подробно: Нарыкова Н.М. Аграрная экономика и сельский социум зарубежных стран в оценках современников (первая половина XX в.) // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 87–89.

³⁴ Dop L. L’Institut international d’Agriculture de Rome // Revue agriculteurs des France. 1933. Vol. 65. № 1. P. 3.

³⁵ Aus dem Internationalen Landwirtschafts-Institut in Rom // Berichte über Landwirtschaft. 1928. Bd. VII. H. 1. S. 133.

³⁶ Some aspects of the work of the International Institute of Agriculture (1905–1940). Rome, 1942; Notice sur L’Institut International de Agriculture. Rome, Oct. 1934.

организации, ввел специальные привилегии и иммунитеты для Института и его сотрудников, которые просил ПА еще в 1924 г.³⁷

В разгар начавшегося в 1929 г. мирового экономического кризиса и катастрофического падения цен на сельскохозяйственную продукцию СССР, борясь за зерновые рынки Европы и получение внешних кредитов, приступил к реальному дипломатическому сопровождению своего зернового экспорта. Это показала Международная зерновая конференция 26 марта – 2 апреля 1931 г., которая состоялась в ПА в качестве подготовительной для Лондонской экономической конференции 1931 г. и впервые с полноправным участием СССР³⁸. В условиях начавшейся экономической войны с Великобританией, введением США дискриминационных мер против советских товаров и появления плана «пан-Европы» конференция в Риме приобрела для СССР особое значение. Потребность участия СССР в римской конференции усиливали действия А. Бриана, который, несмотря на позиции Германии и Италии, в эти месяцы противодействовал приглашению СССР на заседания аграрной комиссии Лиги Наций. Отвечая на приглашение ПА, решение об участии приняло Политбюро ВКП(б) в начале декабря 1930 г., но сроки самой конференции переносились, что показало политическую борьбу вокруг международных аграрных проблем в проекте европейской интеграции А. Бриана и Лиги Наций. Мотивы советского участия в римской конференции раскрывает письмо наркома М. Литвинова И. Сталину от 11 февраля 1931 г.: «Информация о созыве конференции в Риме и январская сессия комиссии “пан-Европы”, которая выделила две подкомиссии, посвящены тем же вопросам сбыта зерна и аграрных кредитов, которые должны собраться еще в текущем месяце под председательством Бриана. Подкомиссии – из представителей 11 стран (Европы). А в Риме предполагается и участие заокеанских стран. Хотя в резолюции комиссии “пан-Европы” имеется ссылка на предстоящее заседание конференции в Риме, можно, однако, предположить наличие некоторой борьбы и соперничества между комиссией “пан-Европы” и Международным аграрным институтом. Январское заседание в Риме, вероятно, и было сорвано усилиями Франции, которая стремится взять в свои руки разрешение аграрных вопросов в Европе...»³⁹. Литвинов пишет также, что совещание в НКИД с участием представителей Наркомзема, Экспортхлеба, МАИ (Крестинтерна) признало целесообразным участие СССР по ряду соображений. Предложено проводить на конференции не только критику внутренней аграрной политики буржуазных стран, социал-демократических аграрных программ и кампании против «советского демпинга», но и, используя противоречия между отдельными странами – производителями и потребителями зерна, «вступить в непосредственный контакт с мировыми экспортёрами» (допускалась возможность соглашения с ними по квотированию), а также импортёрами хлеба (контакты с Италией, Великобританией).

В итоге на конференции представительная делегация СССР публично изложила позицию Советского государства не сокращать (что предлагали на конференции) свои посевные площади и зерновой экспорт⁴⁰, а в кулуарах прозондировала настроения зерновых конкурентов (Канады, Австралии, Аргентины). Но представителей США – главного конкурента и протекциониста – на конференции не было, что ограничило возможности консультаций. Л. Крицман, заместитель управляющего Центрального статистического управления СССР и руководитель делегации, провел беседу с представителями Франции и Польши, а также членом секретариата Лиги Наций⁴¹. На заседаниях конференции все

³⁷ Actes de la Septième assemblée générale 2–8 mai 1924. Rome, 1924. P. 272.

³⁸ См. подробно: Нарыкова Н.М. Международная зерновая конференция 1931 года в Риме и позиция СССР // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2012. С. 217–230.

³⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 05. Оп. 11. Д. 16. П. 73. Л. 2–4.

⁴⁰ Actes conférence internationale préparatoire de la II-ème conference mondiale du blé. Rome, 26 mars – 2 avril 1931. Rome, 1931. P. 82–84.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 0415. Оп. 8. Д. 9. П. 5. Л. 71–80.

делегации, кроме аргентинской, обошли молчанием советский зерновой демпинг. Французы были не против расширения российского зернового экспорта, но при условии его предсказуемости для других экспортирующих стран. Поляки предлагали СССР заключить соглашение по примеру их «ржаного» соглашения с Германией. Отчеты делегации показывают, что прямые контакты с представителями зарубежного зернового торгового бизнеса и участие в публичных дискуссиях способствовали выработке советской линии на последующих мировых экономических конференциях и заседаниях Европейской комиссии.

Существенной частью программы советской делегации стали консультации с руководством ПА. Накануне принятые в Москве директивы разрешили делегации сообщить ПА «о нашем принципиальном согласии вступить в состав членов Института», «не возражать против того, чтобы Институт сделался органом международной информации по сельскому хозяйству» и признать желательным участие представителей советских научных организаций в структурах ПА. Руководство СССР рассматривало ПА как инструмент в решении задач расширения международных связей, когда продолжался мировой кризис и обострилась международная экономическая конкуренция. СССР считал, что его членство в ПА создаст центр, где «будут представлены его аграрные интересы»⁴².

Российские представители во время конференции 1931 г. и после нее несколько раз контактировали с президентом ПА Д. де Микелисом, который в ряде вопросов выступал и от имени министра сельского хозяйства Италии. Для поддержания одного из разговоров в коридоре Института де Микелис отметил, что «он пролетарий и в душе коммунист, потому что у него ничего нет и потому что Италия может картелевать только солнце...»⁴³. Обсуждали вопросы о возможности преференций во взаимной торговле, мировые процессы картелирования, вступление СССР в члены ПА и инициативу Института реализовать собственную идею создания финансовой структуры – Международного краткосрочного сельскохозяйственного кредита (от 6 месяцев до 5 лет). Эту инициативу СССР поддержал, руководствуясь потребностями усиления кредитования его внешней торговли. Но в последующие месяцы конференция по этому вопросу оказалась слабо подготовленной ПА, и проект не получил развития⁴⁴. Определенное противодействие начинанию проявилось со стороны финансового комитета Лиги Наций. А проект создания для аграрных стран Центральной и Восточной Европы финансовой компании – Международного сельскохозяйственного (ипотечного) кредита самой Лиги Наций – провалился в большей мере из-за позиций Великобритании. Метрополия предпочла помочь не сельхозпроизводителям континентальной Европы, а своим колониям и доминионам за счет усиления режима преференций⁴⁵.

Начиная с 1931 г. между СССР и ПА наблюдалось расширение информационного обмена через научные и учебные центры СССР по конкретным вопросам сельскохозяйственной науки и практики. По информации Института в Международный научный совет ПА (консультативный орган) входило несколько «специалистов, принадлежавших к научному миру СССР». К середине 30-х годов ПА имел книгообмен с 84 советскими учреждениями и получал более 80 советских периодических изданий, но хотел расширить и систематизировать эти поступления. Его издания относительно регулярно получали Всесоюзная академия сельского хозяйства, библиотека Академии наук СССР, МАИ, правительенная библиотека. Официальные статистические сведения о мировых агропропровольственных рынках активно использовал в своей экспертной работе НИИ внешней торговли СССР.

⁴² Там же. Ф. 05. Оп. 11. Д. 16. П. 73. Л. 8.

⁴³ Там же. Ф. 0415. Оп. 8. Д. 4. П. 5. Л. 56–57.

⁴⁴ Там же. Ф. 05. Оп. 11. Д. 16. П. 73. Л. 25–32.

⁴⁵ Dungy M.L. The global agricultural crisis and British diplomacy in the League of Nations in 1931 // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part II. P. 297–319.

В течение 1932–1936 гг. наращивалась серия взаимных обращений и запросов, хотя и не все они сопровождались ответами. Конечно, остались без обратной связи многочисленные обращения ПА в Центральное управление народно-хозяйственного учета Госплана СССР⁴⁶. Фрагментарно переписка велась с опытной сельскохозяйственной школой в Москве, опытными подразделениями МГУ и НИИ субтропических культур в Сухуми. Через торговое представительство в Риме СССР получил адреса учреждений, работающих в области изучения влияния радиационных частот на физиологию растений, и информацию о влиянии ирригации на выращивание злаковых культур и о состоянии эрозии почв в Италии.

Стремление СССР использовать международные научные и статистические данные ПА, прежде всего и главным образом для решения насущных задач сельскохозяйственной науки и практики (в том числе развития промышленных отраслей), раскрывают документы, связанные с меморандумом об установлении отношений технического характера между СССР и ПА. СССР получил меморандум ПА от 20 октября 1936 г., подписанный ее президентом Дж. Ачербо (экс-министром сельского хозяйства Италии) и генеральным секретарем А. Бризи, уже 23 октября, но готовить ответ начал только весной 1937 г.⁴⁷ В мае 1937 г. экономический отдел НКИД запросил Наркомат земледелия сделать предложения для сотрудничества с ПА. Профильный наркомат прислал список вопросов, содержащий обширный перечень конкретных и актуальных сведений о достижениях зарубежного сельскохозяйственного производства, которые интересны СССР. Среди них – материалы о новейшей аппаратуре по дождеванию и рекордных урожаях зерновых культур с указанием конкретных хозяйств и регионов мира. Большая группа вопросов касалась животноводства (нормы кормления крупного рогатого скота, овец, свиней и лошадей, применяемые в последние годы в Западной Европе и Америке; список пород, дающих высокие показатели; описание животноводческих хозяйств с максимальным применением механизации). Ведомство интересовало использование отходов пищевой промышленности в хозяйствах и методы скармливания. В сфере ветеринарии – вопросы о конкретных заболеваниях животных и подготовке кадров ветеринаров. В заключение вопросника была указана потребность получить новейшие данные «по продвижению земледелия на север на опыте скандинавских стран, Аляски и Канады»⁴⁸.

В своем меморандуме ПА предложил СССР наладить обширную программу сотрудничества и установить его постоянные формы, создав в правительственные структурах специальный «центр», которому было бы поручено «централизовать» весь обмен информацией с Институтом. ПА просил предоставлять ему тексты законов и постановлений по сельскому хозяйству республик и автономных областей СССР (для публикации в ежегоднике ПА), систематическую статистику о сельскохозяйственном производстве, освоении новых земель, развитии научных исследований защиты растений и т.д. Были подробно описаны возможные процедуры обеспечения оперативного обмена сельскохозяйственной информацией.

Архивные материалы свидетельствуют, что СССР в 1936 г. уже готовился направить взносы в бюджет ПА. Сотрудники НКИД вели переписку с президентом Ачербо, изучали Регламент ПА, бюджет за 1936 г. и его проект на 1937 г. С учетом инфляционных процессов просчитывалась сумма взносов СССР⁴⁹. Тем временем военно-политическая обстановка как в Европе, так и на Дальнем Востоке накалялась. Агрессия Италии против Эфиопии привела к исключению Италии из Лиги Наций и введению санкций против страны. В ответ режим Б. Муссолини провозгласил политику автаркии, которая, в частности, не исключила расширение торговых отношений с СССР в рамках нового двустороннего торгового договора 1935 г. Высокие ставки в мировой политической игре за обеспечение безопасности

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 54 к. Оп. 5. Д. 38. П. 16. Л. 21–23.

⁴⁷ Там же. Оп. 7. Д. 22. П. 30. Л. 36–46.

⁴⁸ Там же. Л. 151.

⁴⁹ Там же. Л. 229; Institut International de Agriculture. Status. Rome, 1934; Statut du personnel. Rome, 1932.

государств, возникшие военные очаги и территориальные переделы драматично детерминировали международные экономические отношения. Начавшаяся война разрушила многие экономические планы, рынки (и в первую очередь – продовольствия и сырья) и международные связи. ПА перестал получать от государств-членов систематические торгово-экономические сведения и денежные взносы, и в конечном итоге был вынужден бороться за собственное выживание на территории воюющей Италии⁵⁰. Сразу после Второй мировой войны на смену ПА пришла новая организация – Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, в которую Россия вступила только в 2006 г. Итальянское доминирование в международном сельскохозяйственном центре времен ПА надолго сменилось ведущим американским влиянием в ФАО ООН.

Анализ участия России в создании и деятельности первой международной межправительственной аграрной организации (1905–1945 гг.) в контексте международных процессов доказывает, что в реальной международной практике Российское государство до 1917 г. руководствовалось национальными интересами в понимании имперских правительственные структур, а в годы СССР – меняющимися политическими установками ВКП(б). Со второй половины 20-х годов наблюдалось расширение тех внешнеэкономических действий структур НКИД и Наркомата внешней торговли, которые способствовали решению оперативных внутренних экономических задач, особенно в годы мирового экономического кризиса и создания в СССР колхозного строя, борьбы страны за выполнение планов первых пятилеток и модернизацию экономики. В целом, динамика политической обстановки 1930-х годов в мире, курс Советского Союза на строительство социализма в отдельно взятой стране и экономическое взаимодействие с западным миром логически привели советское руководство к осознанию потребности использовать возможности ПА. СССР вполне адекватно соотносил свои задачи и реальный международный вес ПА, его функциональные возможности. С политической точки зрения СССР воспринимал ПА через призму своих отношений с Лигой Наций и Италией, действовал pragmatically, не строя в отношении его особых планов. В 1930-е годы СССР сотрудничал (с разными показателями интенсивности) с зарубежным бизнесом и научно-технической интеллигенцией, и его взаимодействие со специализированной международной организацией в Риме, как и российско-итальянская торговля для нужд советской индустриализации, соответствовали общей внешнеэкономической линии руководства страны. Со своей стороны, ПА, возглавляемый гражданами Италии, втянутый в политику фашистского режима Б. Муссолини и находившийся под покровительством Италии, в своей деятельности стремился получить поддержку СССР, что соответствовало устремлениям Рима использовать Институт для закрепления своих международных позиций. При этом руководство Института на основе решений своего главного (после ГА) органа – Постоянного комитета (с международным составом) и деятельности технических служб (статистического и отраслевых бюро) пытались сформировать целостное представление о коренных изменениях в организации сельскохозяйственного производства огромного государства и существе аграрной политики, проводимой его коммунистическим руководством. Это в конечном итоге отвечало разнообразным международным запросам. В первую очередь участники международной агропродовольственной торговли нуждались как в оперативной, так и в стратегически важной информации о состоянии сельскохозяйственного производства СССР и потенциалах его внешней торговли, в которой сельскохозяйственные товары продолжали занимать существенное место. Таким образом, совпадение или переплетение различных политических и экономических интересов создали сложную, но достаточно понятную динамику развития отношений России (СССР) и первой уникальной международной межправительственной аграрной организации.

Библиография

Аграрные проблемы. 1927. Кн. 1.

⁵⁰ The work of the International institute of agriculture during the war (1940–1945). Rome, 1945.

- В Международном аграрном институте // Аграрные проблемы. 1928. Кн. 1. С. 203–208.
- Нарыкова Н.М.* Аграрии и прогресс (Международные аграрные организации: от основания до мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.). Ставрополь, 2001.
- Нарыкова Н.М.* Аграрная экономика и сельский социум зарубежных стран в оценках современников (первая половина XX в.) // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 84–95.
- Нарыкова Н.М.* Международная зерновая конференция 1931 года в Риме и позиция СССР // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2012. С. 217–230.
- Нарыкова Н.М.* Участие России в международных аграрных организациях: стереотипы политической культуры и новые исторические «вызовы» (XIX – нач. XX в.) // Политическая культура XIX века: Россия и Европа. М., 2005. С. 143–151.
- Нарыкова Н.М.* Ученые-аграрники и международное сотрудничество в начале XX века: к 110-летию Санкт-Петербургского государственного аграрного университета // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2016. С. 203–212.
- Правооппортунистический прорыв в Международном аграрном институте // Большевик. 1931. № 15. С. 86–96.
- Устав Международного аграрного института // Крестьянский интернационал. 1925. № 10. С. 95–96.
- Acte final de la Conférence internationale pour l’Institut international d’agriculture. Rome, 1905.
- Actes conférence internationale préparatoire de la II-ème conférence mondiale du blé. Rome, 26 mars – 2 avril 1931. Rome, 1931.
- Actes de la Septième assemblée générale 2–8 mai 1924. Rome, 1924.
- Aus dem Internationalen Landwirtschafts-Institut in Rom // Berichte über Landwirtschaft. 1928. Bd. VII. H. 1. S. 133; H. 3. S. 320–321.
- Costanzo G.* The Organization of agricultural credit in the United States // International Review of Agriculture. 1942. № 2. P. 37–40.
- D’Onofrio F.* The microfoundations of Italian agrarianism: Italian agricultural economists and Fascism // Agricultural History. 2017. Vol. 91. № 3. P. 369–396.
- D’Onofrio F.* Agricultural figures: the politics of numbers at the International Institute of Agriculture // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part II. P. 227–296.
- Dop L.* L’Institut international d’Agriculture de Rome // Revue agriculteurs des France. 1933. Vol. 65. № 1. P. 3–4.
- Die Zweite Internationale Agrarkonferenz in Cornell University, Ithaca, N.Y. // Weltwirtschaftliches Archiv. 1931. Bd. XXXIII. H. I. S. 306–310.
- Institut International de Agriculture. Status. Rome, 1934.
- Dungy M.L.* The global agricultural crisis and British diplomacy in the League of Nations in 1931 // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part II. P. 297–319.
- Mignemi N.* Rome, capitale mondiale de la documentation agricole: de la bibliothèque de l’Institut international d’Agriculture à la David Lubin Memorial Library de la FAO // Mélanges de l’École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines. 2020. 132/1. P. 215–235. URL: <http://journals.openedition.org/mefrim/7233> (дата обращения: 20.07.2021).
- Mignemi N.* David Lubin and the International Institute of Agriculture. The origins of FAO. The Library of the International Institute of Agriculture. Our heritage // The story of The FAO Library 65th Anniversary 1952–2017. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2017. P. 5–38.
- Notice sur L’ Institut International de Agriculture. Rome, Oct. 1934.
- Pan-Montojo J., Mignemi N.* International organizations and agriculture, 1905 to 1945: Introduction // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part. II. P. 237–254.
- Some aspects of the work of the International Institute of Agriculture (1905–1940). Rome, 1942.
- Status du personnel. Rome, 1932.
- The story of The FAO Library 65th Anniversary 1952–2017. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2017.
- The work of the International institute of agriculture during the war (1940–1945). Rome, 1945.
- Vigreux J.* La faucille après le marteau. Le communisme aux champs dans l’entre-deux-guerres. Besançon, 2012.

References

Agrarnye problemy [Agricultural problems]. 1927. Kn. I. (In Russ.)

Narykova N.M. Agrarii i progress (Mezhdunarodnye agrarnye organizacii: ot osnovaniya do mirovogo ekonomicheskogo krizisa 1929–1933 gg.) [Agrarians and Progress (International Agrarian Organizations: from the Foundation to the World Economic Crisis of 1929–1933)]. Stavropol', 2001. (In Russ.)

Narykova N.M. Agrarnaya ekonomika i sel'skij socium zarubezhnyh stran v ocenkah sovremennikov (per-vaya polovina XX v.) [Agrarian economy and rural society of foreign countries in the assessments of contemporaries (the first half of the 20th century)] // Voprosy istorii [Questions of history]. 2020. № 6. S. 84–95. (In Russ.)

Narykova N.M. Mezhdunarodnaya zernovaya konferenciya 1931 goda v Rime i poziciya SSSR [International Grain Conference of 1931 in Rome and the position of the USSR] // Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii [North-West in the agrarian history of Russia]. Kaliningrad, 2012. S. 217–230. (In Russ.)

Narykova N.M. Uchastie Rossii v mezhdunarodnyh agrarnyh organizaciyah: stereotipy politicheskoy kul'tury i novye istoricheskie “vyzovy” (XIX – nach. XX v.) [Russia's participation in international agrarian organizations: stereotypes of political culture and new historical “challenges” (19th – beginning 20th century)] // Politicheskaya kul'tura XIX veka: Rossiya i Evropa [Political culture of the 19th century: Russia and Europe]. Moskva, 2005. S. 143–151. (In Russ.)

Narykova N.M. Uchyonye – agrarniki i mezhdunarodnoe sotrudничestvo v nachale XX veka: k 110-letiyu Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Agricultural scientists and international cooperation at the beginning of the 20th century: to the 110th anniversary of St. Petersburg State Agrarian University] // Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii [North-West in the agrarian history of Russia]. Kaliningrad, 2016. S. 203–212. (In Russ.)

Правоопportunisticeskij proryv v Mezhdunarodnom agrarnom institute [Pravo-opportunistic breakthrough in the International Agrarian Institute] // Bol'shevik [Bolshevik]. 1931. № 15. S. 86–96. (In Russ.)

Ustav Mezhdunarodnogo agrarnogo instituta [Regulation of the International Agrarian Institute] // Krest'yanskij internacional [Peasant International]. 1925. № 10. S. 95–96. (In Russ.)

V Mezhdunarodnom agrarnom institute [At the International Agrarian Institute] // Agrarnye problem [Agricultural problems]. 1928. Kn. 1. S. 203–208. (In Russ.)

Acte final de la Conférence internationale pour l'Institut international d'agriculture. Rome, 1905.

Actes conférence internationale préparatoire de la II-ème conference mondiale du blé. Rome, 26 mars – 2 avril 1931. Rome, 1931.

Actes de la Septième assemblée générale 2–8 mai 1924. Rome, 1924.

Aus dem Internationalen Landwirtschafts-Institut in Rom // Berichte über Landwirtschaft. 1928.

Bd. VII. H. 1. S. 133; H. 3. S. 320–321.

Costanzo G. The Organization of agricultural credit in the United States // International Review of Agriculture. 1942. № 2. P. 37–40.

D'Onofrio F. The microfoundations of Italian agrarianism: Italian agricultural economists and Fascism // Agricultural History. 2017. Vol. 91. № 3. P. 369–396.

D'Onofrio F. Agricultural figures: the politics of numbers at the International Institute of Agriculture // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part II. P. 227–296.

Dop L. L'Institut international d'Agriculture de Rome // Revue agriculteurs des France. 1933. Vol. 65. № 1. P. 3–4.

Die Zweite Internationale Agrarkonferenz in Cornell University, Ithaca, N.Y. // Weltwirtschaftliches Archiv. 1931. Bd. XXXIII. H. 1. S. 306–310.

Institut International de Agriculture. Status. Rome, 1934.

Dungy M.L. The global agricultural crisis and British diplomacy in the League of Nations in 1931 // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part II. P. 297–319.

Mignemi N. Rome, capitale mondiale de la documentation agricole: de la bibliothèque de l'Institut international d'Agriculture à la David Lubin Memorial Library de la FAO // Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines. 2020. 132/1. P. 215–235. URL: <http://journals.openedition.org/mefrim/7233> (access date: 20.07.2021).

Mignemi N. David Lubin and the International Institute of Agriculture. The origins of FAO. The Library of the International Institute of Agriculture. Our heritage // The story of The FAO Library 65th Anniversary 1952–2017. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2017. P. 5–38.

Notice sur L' Institut International de Agriculture. Rome, Oct. 1934.

Pan-Montojo J., Mignemi N. International organizations and agriculture, 1905 to 1945: Introduction // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part II. P. 237–254.

Some aspects of the work of the International Institute of Agriculture (1905–1940). Rome, 1942.

Status du personnel. Rome, 1932.

The story of The FAO Library 65th Anniversary 1952–2017. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2017.

The work of the International institute of agriculture during the war (1940–1945). Rome, 1945.

Vigreux J. La faucille après le marteau. Le communisme aux champs dans l'entre-deux-guerres. Besançon, 2012.